

Рихтер С.Т.

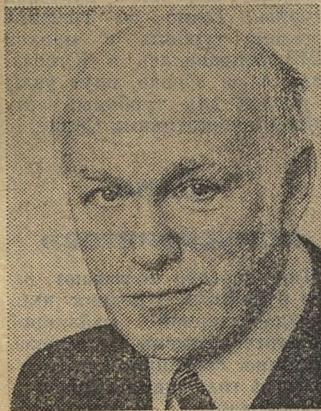
20.3.85

20 МАР 1985

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

Святослав Рихтер

«Его все озаряющее присутствие»

Недавно, отвечая на вопрос студента «Будете ли вы преподавать?», он воскликнул: «Нет, нет, не буду! Я еще сам все время учусь!» Кажущаяся курьезность ответа в действительности обнажает правду своего рода максимализма,

юношеской непресыщенности души великого музыканта. Святослав Рихтер всегда умел и жаждал учиться у жизни, у природы, у творцов классического искусства, избегая банальных привязок к узкоремесленному цеху. И потому, наверное, его путь к вершинам музыкального исполнительства похож на легенду о блестящем самоучке, который, однако, никогда не был «вундеркиндом». Как известно, его школьной скамьей стала сразу Московская консерватория, а точнее — класс Генриха Густавовича Нейгауза, куда был зачислен в 1937 году концертмейстер Одесского оперного театра Святослав Рихтер, не пивший никаких документов о начальном музыкальном образовании. А было ему в ту пору 22 года...

Зато и навсегда упущенное в один вечер! То был памятный осенний вечер дебюта

Рихтера с Шестой сонатой Прокофьева в Малом зале Московской консерватории в 1940 году. Перед ошеломленной публикой предстал не «ученик Нейгауза» (игравшего в первом отделении), а сформировавшийся пианист — новатор, вулканический художник, артист мирового класса.

Генрих Нейгауз не случайно называл Рихтера «учеником нашей страны, нашего времени и нашего народа. И только в последнюю очередь своим». Он не стеснялся признаваться, что до конца дней своих будет не только восхищаться Святославом Рихтером, но и... учиться у него. Неутолимая жажда «ученичества» скрепила узы деликатнейшего из союзов Учителя и Ученика.

Между тем Рихтер всегда поражал именно комплексом ярчайших черт «школы», русской музыкально-исполнитель-

ской классической традиции, на знамени которой написаны Человечность, Правда и Красота. Его гигантская одухотворенная виртуозность возвращала фортепиано его царственное положение на концертной эстраде XX века. «Такого мастера, как Святослав Рихтер, могла возрастить и выпестовать лишь лучшая музыкальная школа, какую знает мир», — признавалась Розина Левина в дни первых гастролей советского пианиста в США в 1960 году. Рихтера называли «пианистом века», олицетворяющим собой гений русского народа. Феноменальный артистический талант, дар перевоплощения, позволяющий бесконечно глубоко погружаться в своеобразный мир композитора — будь то Бетховен, Шуберт, Шопен, Скрябин, Прокофьев, — составлял тайну всеохватывающего дарования пианиста.

— Нетерпение! Нетерпение! Все более одухотворенный звук! Чудо должно быть!..

Эти удивительные, полные динамизма и мечтательности слова говорил Святослав Теофилович певцам Всесоюзного радио, репетируя с ними Шесть хоров для женских и детских голосов Рахманинова. Записанная на пленку и переданная в эфир, эта уникальная репетиция станет крупнейшей памятью о «чудоискательстве» артиста-музыканта. Он верит в чудо — в искусство и в жизни. Всегда ждет неожиданного, необыкновенного. И сам творит его.

— Я думаю, что все исполнительское искусство вообще, — говорит Рихтер, — построено на неожиданности...

Но в том-то и дело, что в своих вечных поисках «чуда» и «неожиданности» музыкального решения пианист беско-

нечно точен и строг как профессионал — интерпретатор. Строгое отношение к своему искусству, говорит он, «мгновенно связывает тебя с концертным залом», а «стихия музыки, подчинившая тебя, не оставляет места праздным мыслям... Тогда важно одно — идея, сформулированная композитором, как ценность, которой предстоит жить в звуках».

Да, Рихтер — величайший из современных пианистов, в ком соединяются, обогащая друг друга, кажется, все творческие профессии: от поэта до драматурга, от дирижера до режиссера. Только воплощается эта полифония Рихтеровых профессий в формах самых неожиданных, в идеях, одному ему присущих.

Его смелая фантазия может превратить старый амбар для зерна в концертный зал. Так случилось в предместье фран-

цузского города Тура, где по идее Рихтера «перевернутая лодка» деревянной постройки «Гранж де Мэле» (чудо плотницкого искусства XIII века!) стала сводом концертного зала — центром притяжения лучших музыкальных сил мира на протяжении почти двух десятилетий! «Его все озаряющее присутствие притягивает артистов и меломанов, которые хорошо знают, что там, где находится Рихтер, они найдут качество, чистоту стиля и вдохновение», — говорилось в программе одного из последних туренских фестивалей...

Теперь Рихтер организует фестивали высокой и редкой музыки в Москве. Идея синтеза искусств, давно питавшая его воображение, привела его в последние годы к созданию своеобразных музыкально — театрализованных «действ» в Белом зале Музея

имени А. С. Пушкина, получивших старинное название «Декабрьских вечеров».

— Есть особое настроение, сопутствующее концерту в музее, — говорит Святослав Теофилович. — В величественном интерьере зала среди творений Микеланджело, Верроккьо, Донателло слушатели, как мне кажется, необычайно чутки к музыке...

Здесь, в Белом зале музея, Рихтер начал ставить оперные спектакли, режиссировать. И снова — чудеса и неожиданности! Их не забудут те, кому посчастливилось присутствовать на первом представлении в Москве оперы Бенджамина Бриттена «Поворот винта». Колдовская сила этого спектакля бесконечно расширяет для нас значение того грандиозного духовного явления, которое мы называем коротким словом РИХТЕР.

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.